Виновен

Автор:
Канаэ Минато

Виновен

Канаэ Минато

Tok. Сэнсэй тайны. Современный японский детектив

Абсолютный бестселлер в Японии.

Продано более 1 000 000 экземпляров книги.

Роман прочитан каждым сотым жителем Страны восходящего солнца.

На его основе снят популярный телесериал.

Автор – признанная королева иямису – популярного направления японского детектива, исследующего темные стороны человеческой души.

Ты невиновен. Но это не значит, что ты не виноват…

«Кадзухиса Фукасэ – убийца». И ничего больше – лишь одна эта звенящая строчка в письме, отправленном незаметному, стеснительному молодому человеку по имени Фукасэ. И точно такие же анонимные обвинения в убийстве получили еще трое его приятелей. Нет сомнений, автор этих писем намекает на трагическое событие, случившимся с их другом несколько лет назад. Тогда пятеро лучших друзей поехали отдыхать в загородный дом неподалеку от горнолыжного курорта. И один из них сорвался на машине в пропасть. Трагедию признали несчастным случаем. Но оставшиеся четверо, терзаемые чувством вины, прекрасно знают, о чем им нужно молчать. Молчать до последнего…

Перед вами откроется скрытый внутренний мир современных японцев, их сложный менталитет, особое отношение к дружбе и любви, преступлению и

наказанию.

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН С ЯПОНСКОГО.

«Сложный, запутанный во времени триллер». – Frankfurter Allgemeine Zeitung

«Роман, полный ложных ходов, с абсолютно удивительным финалом». – STAR

«Канаэ Минато – блестящая рассказчица». – Эмили Сент-Джон Мандел

Канаэ Минато

Виновен

Kanae Minato

RIBASU

Reverse © 2017 Kanae Minato. All rights reserved.

First published in 2015 in Japan by Kodansha Ltd., Tokyo. Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

© Забережная О.А., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

«Кадзухиса Фукасэ – убийца».

Он смог хоть как-то принять внезапно свалившиеся на него страшные слова лишь потому, что в глубине души у него зрело предчувствие: все события этого дня могут повернуться подобным образом.

* * *

На лобовое стекло падал дождь. Кадзухиса Фукасэ наблюдал, как одна капля, потом вторая расплылись в коричневатом пятне размером с одноиеновую монету – стекло, на вид прозрачное, оказывается, было покрыто мелкой пылью. Другие капли последовали их примеру. Но включать «дворники» еще рано. Он, скорее всего, успеет добраться до места назначения, не включая их.

Свернув с национальной трассы, пестрящей магазинами мужской одежды и семейными ресторанами, Фукасэ проехал несколько сот метров по направлению к префектуральной дороге; отсюда он уже видел ворота старшей школы Нарасаки. Эта школа – один из их постоянных заказчиков с участка обслуживания Фукасэ, специалиста по работе с клиентами. Он запарковал белую служебную машину, на кузове которой синими буквами значилось название фирмы, на стоянке для гостей рядом со входом в главное здание. Дождь еще бил по стеклу, оставляя на нем грязноватые пятна. Фукасэ взял с приборной панели удостоверение, повесил его на шею и, взяв под мышку с пассажирского сиденья картонную коробку из тонкого картона, побежал к зданию.

Устроившись в компанию, он уже два с небольшим года примерно раз в неделю появляется в школе Нарасаки, поэтому вполне может позволить себе просто поклониться в знак приветствия, проходя мимо офиса. Не замедляя шага, Фукасэ направился в учительскую, расположенную на первом этаже того же здания. Одиннадцать утра. Идет третий урок, и по коридору не снуют учителя и ученики. С наступлением июля включили кондиционер, поэтому все двери и окна закрыты. На дверях наклеены листы с надписью: «В связи с проведением семестровых экзаменов ученикам запрещается входить и выходить из аудиторий».

Фукасэ пришел по делу, но, как будто тайком пробираясь в дом в отсутствие хозяев, он положил руку на дверную ручку и, мягко поднимая ее, приоткрыл дверь. Его худощавая фигура скользнула через узкую щелку, руки беззвучно

закрыли дверь. В самом углу на стульях, расположенных под вывеской «Двенадцатый класс», сидел Косукэ Асами. Быстро двигая пальцами, он то пролистывал учебник, то заглядывал в ноутбук. Асами – учитель истории. Стоя позади него, Фукасэ обратил внимание, что у Асами там крестовые походы. «Мировая история», – подумал он.

Тут Асами повернулся к нему вместе со стулом.

– Фукасэ!.. Зачем так подкрадываться?

– Думал, помешаю…

– Да, уж ты умеешь оставаться незамеченным… Принес папки, что ли?

Фукасэ получил от Асами по факсу заказ на десять бумажных папок около часа назад.

– Уж десяток-то папок у нас на складе найдется. Только они все розовые; подойдут?

Он передал Асами картонную коробку, которую держал в руках. Тот поставил ее на колени и открыл.

– Это для дополнительных занятий во время летних каникул, поэтому все равно, какого они цвета, лишь бы отличались от других. Ты уж извини, что из-за такой мелочи тебя гонял…

– Мы всегда рады быть полезными.

Асами достал из коробки накладную. Одна штука – 70 иен, итого с налогом 756 иен. Можно было и не заказывать папки в компании, от которой сюда ехать сорок минут в одну сторону, а купить в сто иеновом уголке в супермаркете, до которого идти десять минут пешком – там точно такие же папки стоят 100 иен за три штуки. Если неохота идти, можно заказать в дешевом интернет-магазине, и уже на следующий день доставят. Школа явно не пытается экономить…

Фукасэ слышал от Асами, что некоторые родители осуждали столь тесную связь с определенной компанией. Тогда он не нашелся, что ответить. Ведь, доставляя товар, Фукасэ сам не знал, почему они все время заказывают канцелярские принадлежности только у них. Но тогда Асами, не дожидаясь ответа Фукасэ, продолжал:

– Стоиеновые магазины и «Юникло» существуют за счет физических лиц. Что значит «связи»? А то, что мы – государственные инстанции, мэрии и школы – обязаны поддерживать местных, укоренившихся здесь производителей, об этом они не думали? Ты – мне, я – тебе, вот так.

«Так вот оно что… Я-то считал, госслужащие живут за счет налогов, а значит, и меня, сотрудника маленький компании, подкармливают с молчаливого согласия общества», – с горечью подумал Фукасэ.

– Ну до скорого. Если что еще понадобится, обращайся.

Монитор переключился на заставку.

– Угу, – сказал Асами, поднял руку, переставил коробку себе в ноги и вернул стул в прежнее положение.

Перед дверью Фукасэ услышал, что его окликают, и обернулся.

– У тебя как со временем? Мураи говорит, надо собраться выпить всем вместе. Хочет и тебя видеть.

– Да… – попытался ответить со смехом Фукасэ, но не был уверен, сказал ли он что-то и получилось ли у него вообще улыбнуться. Собраться всегда предлагал Мураи. Но с какой стати он вспомнил о нем? В последний раз они виделись год назад. Более того, мероприятие тогда было совсем не веселым. Наверное, Асами упоминал на работе, что иногда видит его… Да, это все Асами, поэтому Мураи приглашает его лишь из вежливости.

Выйдя в коридор, Фукасэ заметил, что дождь на улице льет вовсю.

– О, Нисида-сан, вы как раз вовремя.

Из копировальной комнаты, расположенной рядом с учительской, выглянула молодая женщина. Это была учительница японского языка Мидзуки Кида; она устроилась сюда в апреле этого года. Фукасэ множество раз доставлял ей ручки, папки и другие канцтовары, но она упорно обращалась к нему не по имени, а по названию компании.

– Что-нибудь случилось?

– Да вот, на принтере вылезает странный значок…

Он зашел в копировальную и посмотрел на панель цифрового принтера, куда указывала Кида. Это случается постоянно. Фукасэ подавил подступивший к горлу вздох. Нет тут ничего странного.

– Это означает, что нужно заменить мастер.

– Мастер?

– Рулон бумаги, трафарет для печати.

– Вот как… Его можно менять самостоятельно?

– Я сейчас сделаю, а вы посмотрите. Это просто, сразу запомните.

Фукасэ достал из маленькой картонной коробки около принтера новый рулон. Открыл крышку. Кида стояла рядом с виноватым видом и извинялась. Он смог с улыбкой ответить: «Нет-нет, ничего». Его сегодня не для этого приглашали. Уже не раз и не два его срочно вызывали чинить принтер, но оказывалось, что нужно было всего лишь заменить рулон или картридж или даже просто устранить замятие бумаги.

– Кстати…

Кида приблизилась к работающему Фукасэ на шаг, и их взгляды встретились. Он не питал надежду, что сейчас ему признаются в любви или что-то в этом роде. Подобные фантазии Фукасэ оставил еще в подростковом возрасте.

– А вы с Асами-сэнсэем в дружеских отношениях?

Так он и думал… Опустив взгляд на руки, ответил:

– Он мой однокурсник. Мы ходили на один семинар.

– Вот как…

Фукасэ понимал, что скрывалось за этими ее словами. Мол, окончил хороший университет, а работает в какой-то непонятной фирме… Но Кида довольно улыбнулась и сократила расстояние между ними еще на один шаг.

– А у него есть кто-то?

Он поднял на нее глаза и заметил, что щеки учительницы налились ярким румянцем.

– Просто… Я тут слышала от учениц, что его видели недавно вдвоем с женщиной… Одна девочка прямо спросила, но он сказал, что это просто знакомая… Это правда?

Фукасэ, стараясь не смотреть на Кида, закрыл крышку принтера, всем своим видом показывая, что он закончил. Очистил лоток для вывода трафарета. Удостоверился в наличии запасных чернильных валиков. Еще достаточно.

– Я таких подробностей не знаю и, во всяком случае, ничего такого от него не слышал. Говорит только о работе. Он еще в университете твердил, что хочет стать настоящим преподавателем.

– Ну да, конечно, его отношение к работе не такое, как у других учителей… Извините, что я говорю такие вещи. Но вы же все-таки его друг…

Никакой он не друг. Просто ходил на тот же семинар на четвертом курсе. А до этого даже ни разу не говорил с ним, хотя они и были на одной кафедре. Асами даже, наверное, не знал, как его зовут.

– Ну, я пойду; если что-то еще потребуется, обращайтесь.

Фукасэ повернулся спиной к Кида, которая собиралась еще что-то спросить, и быстро ретировался из копировальной. В тот же момент из учительской вышел Асами. Он держал в руках несколько копий формата А4 – наверное, распечатывал контрольную или учебные материалы.

– Так ты еще здесь?

– Да я там… принтер… Всё, я пошел.

Ничего постыдного в этом не было, но Фукасэ почувствовал себя немного виноватым, что в отсутствие Асами говорил о его студенческих годах, и перевел взгляд на окно. Дождь ливанул еще сильнее. Асами посмотрел в ту же сторону.

– Береги себя.

Когда их взгляды встретились, он, продолжая держать бумаги, потянулся к ручке двери.

– Похоже, тайфун приближается.

– Спасибо. Да, и передавай Мураи привет. Я в выходные всегда свободен.

На этот раз Фукасэ смог говорить искренне. Если, глядя на дождь, Асами думает о том же, то он – его друг, или, во всяком случае, заодно с ним. И Мураи, который предложил встречу участников семинара в такой сезон, – тоже.

Дождь все усиливался, и город словно покрылся серой пеленой. Но радио пока не передает предупреждения о погодных условиях. Однако даже если и будет такое предупреждение, это ведь не значит, что работу на сегодня можно закончить… В пику происходящему на улице по радио передавали веселую музыку из специального сборника «Скоро лето». «Дворники» работали на максимуме, но все равно видимость была плохая, и Фукасэ сжимал руль крепче, чем обычно. Однако и в таких условиях он мог позволить себе подумать о том, с каким выражением лица Кида встретила Асами в копировальной.

В самом деле, а есть ли у него девушка?

Он знает и номер телефона Асами, и адрес его электронной почты, но никогда не связывался с ним таким образом. Когда Фукасэ получал заказ и приезжал с доставкой, Асами, если был свободен, приглашал его выпить чашечку кофе, и они вдвоем могли разговаривать где-нибудь в комнате профессиональной ориентации или других предназначенных для гостей помещениях. Но ни разу речь не заходила о девушке.

Наверное, сдерживаемый осознанием того, что он находится на работе, Асами, который сразу, как устроился в Нарасаки, стал классным руководителем десятого класса, только и делал, что рассказывал о проблемах в школе. И сейчас ничего не изменилось, хотя он, получая каждый год повышение, уже дорос до руководителя двенадцатого класса. И дополнительные занятия во время летних каникул тоже, по его словам, проводил по собственной инициативе.

Асами не просил совета. Он просто пытался проговорить вслух и упорядочить все, что было у него в голове. Потом сам же доходил до нужного ответа – и снова его проговаривал. Перед ним мог быть любой человек, необязательно Фукасэ. Но думается, что, кроме Фукасэ, за пределами школы ему некому было рассказывать вот так просто о своих проблемах на работе.

Это значит, что у него нет девушки. И друзей… тоже нет?

Фукасэ покачал головой. «Ты думаешь, что сам кому-нибудь нужен? Все, что накипело у тебя внутри, достаточно высказать одному, самому важному человеку. Но так думают только такие, как я, а такие, как Асами, все время окружены людьми и не прилагают к этому никаких усилий. Когда им захочется поговорить, они берут первого попавшегося им человека и, кто бы это ни был, безо всякого стеснения раскрывают ему частичку своего внутреннего мира…»

Именно поэтому Фукасэ, который просто ходил когда-то на тот же семинар, и не более того, удостоился чести узнать вдохновенные мысли Асами о работе учителя старших классов.

Семинар преподавателя Ямамото проходил на кафедре экономики экономического факультета Университета Мэйкё. На него записалось, включая Фукасэ, пять человек. В отличие от занятий по естественно-научным дисциплинам, им не нужно было присутствовать на семинаре каждый день. И темы также были разделены по дням. Поэтому с самого начала года практически

не было случаев, чтобы на семинаре присутствовали все: то подработка, то практика в компании, то еще что-нибудь… На майских праздниках Фукасэ и Асами иногда оставались на семинаре вдвоем. Каждый сидел на своем месте и смотрел в ноутбук.

Первым заговорил Асами:

– Фукасэ, я смотрю, ты такой прилежный, ходишь, даже когда профессора нет…

– Так и ты…

– У меня со следующей недели учительская практика.

Все участники семинара знали о возможности двухнедельной практики в своей школе.

– Асами, а в компанию не будешь пробоваться, что ли?

Фукасэ спросил так потому, что сам прошел по результатам первичных экзаменов во все три выбранных им городских банка. Наверное, никогда после этого у него не было такой уверенности в себе, как в тот короткий период.

– Я буду школьным учителем, и больше никем! – выпалил Асами. Сказал как отрезал.

Про себя Фукасэ делил участников семинара на две группы: трое ярких и двое скромных. Асами входил в число ярких, но по сравнению с остальными говорил немного. Он с улыбкой смотрел на то, как шумят двое других. Однако от этого не становился для них чужим – напротив, создавалось такое впечатление, что его считали старшим братом, на которого можно положиться.

Хотя Фукасэ в ответ на слова Асами просто сказал: «Ясно…» – и ничего больше о карьере не спрашивал, тот сам начал рассказывать о причине своего решения стать учителем. Его отец был учителем в старших классах. Сын вовсе не пытался подражать ему; напротив, он хотел стать кем угодно, но не учителем. То, что его отец возвращался поздно каждый вечер, это само собой, но он еще руководил школьной командой по бейсболу. Команда, правда, была слабовата и не тянула

на национальные соревнования, но отец в выходные с утра до вечера пропадал на тренировках. А в редкие дни праздников, в Новый год или О-бон[1 - Фестиваль поминовения усопших в Японии, проходящий в августе.], когда они отправлялись в путешествие всей семьей, нередко оставлял семью и ехал обратно, потому что ему приходило срочное известие, что старосту класса арестовали за воровство в магазине или что-то в этом роде. Порой Асами даже презирал отца, который, отвернувшись от семьи, предпочитал возиться с какими-то чужими детьми, лишь немногим старше его собственного сына.

Пока отец был жив, не было ни одного дня, чтобы Асами чувствовал к нему уважение. Но потом…

Осенью того года, когда он поступил в университет, его отец умер. Похороны проходили в будний день, но проститься с покойным пришло такое количество людей, что они еле вместились в зал. Все они были учениками отца. Каждый из них воодушевленно делился с Асами и его матерью воспоминаниями о своем благодетеле.

– Они рассказывали то, что я не мог знать, но в голове у меня всплывал ясный образ отца. Была жизнь человека плохой или хорошей, впервые понимаешь уже после его смерти, я так считаю. Сколько людей после твоей смерти подумают: «Хорошо, что я встретил его на своем пути»? Этим определяется смысл твоего рождения на свет. Поэтому я хочу быть связанным с как можно большим количеством людей. Как мой отец, как настоящий учитель, я хочу вкладывать в чью-то жизнь частичку себя, чтобы оставить в этом мире доказательство того, что я жил.

И тогда Фукасэ тоже отреагировал по-идиотски, протянув: «Аааа…» Он был как будто придавлен словами Асами и потерял дар речи.

– Что-то я много говорю… Только сейчас заполнял в отчете по практике графу «Причины выбора места практики» – вот и разошелся.

С несколько смущенным видом Асами пожал плечами и засмеялся. Фукасэ было стыдно: вдобавок к тому, что он не смог ответить ничего вразумительного, перед ним еще и извиняются… Он поспешно сказал, что пойдет сделает кофе, и встал. На кафедре имелся уголок, где стояли электрический чайник, кофемашина и чашки, принесенные каждым из дома.

– Вроде бы тот же кофе и та же машина, а у тебя получается как-то особенно вкусно.

Фукасэ не любил слова похвалы и совсем не привык к ним, но данный случай был исключением. Напевая себе под нос, он сделал кофе им обоим, и они еще немного поговорили, но темы будущей профессии больше не касались.

Вот тогда бы… Фукасэ крепче сжал руль.

Почувствовав, что ему трудно дышать, он понял, что забыл снять с шеи бейдж с удостоверением. Наверное, это произошло, когда он возился с принтером: лента несколько раз обвила шею. Но не только в этом заключалась причина стеснения в груди. Чем он занимается? Едет за тридевять земель, чтобы доставить десять папок и заменить рулон в принтере… Эту работу может сделать каждый. Его фирма держится только на чужой жалости.

Вот тогда бы ему и высказать Асами свои мысли о будущей профессии… По отношению к банковскому делу Фукасэ не испытывал такого страстного влечения, как Асами – к учительской профессии, но, поделись он с другим, быть может, в его еще неоформленном жизненном проекте вырисовалось бы какое-то ядро. Во всяком случае, это стало бы репетицией собеседования. И тогда он, быть может, хотя бы в одном из банков был убедителен.

Быть может, быть может, быть может…

Фукасэ поклялся себе, что никогда в своей бесцельной жизни не будет использовать эти слова, но все же в голове его именно эти девять букв настойчиво вращались по кругу.

Всё, хватит. Остановившись на светофоре, он взял из бардачка коробочку со жвачкой, открыл ее и легонько потряс над раскрытым ртом. Несколько кусочков беспорядочно упали ему в рот, Фукасэ соединил их языком и начал жевать. Такие мрачные мысли у него из-за дождя…

«Но давай подумаем хорошенько, – сказал он сам себе. – Я не могу сказать, что несчастлив. Напротив, я наконец смог стать счастливым, как может быть счастлив обычный человек». Чтобы заглушить дождь, он сделал радио погромче. Юдзу поет свой хит «Цвета лета». Разве можно под такую веселую музыку

предаваться унынию? Фукасэ жевал жвачку под ритм песни, и тогда, как луч на туманном небе, ему представился образ Михоко. Может, попробовать пригласить ее поехать куда-нибудь на праздники? Они встречаются целых три месяца, и уже можно переходить на новую стадию отношений. Куда лучше – на Окинаву? На Хоккайдо? На Гавайи не хватит денег…

«А теперь обратимся к западной музыке. И следующая песня – самая летняя».

Послышалось знакомое вступление. Но Фукасэ не помнил ни имени исполнителя, ни названия. Он не разбирался в западной музыке, однако эту песню слышал много раз. В машине.

В тот день… Это была первая песня на диске, который поставил Танихара, большой любитель западных хитов.

– Итак, спецвыпуск от Танихары… Летняя версия!

И именно тогда Асами, сидевший за рулем, уставшим голосом сделал замечание Танихаре, который на пассажирском сиденье во все горло распевал песни.

– В чем дело? Я же специально создаю атмосферу, чтобы ты не заснул за рулем. Давайте петь вместе! – Танихара обернулся.

– Иностранные песни мы не споем, – проворчал Фукасэ сидевшему рядом Хиросаве.

Но тот неожиданно сказал, что вот эту он, может, и потянет, и даже сообщил название и исполнителя композиции. Добавил, что интересовался ею на занятии по английскому.

Это была песня “Surfin’ USA” группы «Бич бойз».

* * *

Компания «Нисида» занималась продажей, прокатом и обслуживанием офисной техники и мебели, а также продажей канцелярских принадлежностей. Когда

Фукасэ вернулся в офис, его начальник Кояма, оторвавшись от своей записной книжки, сказал, что ждал его. То, что он ждал Фукасэ не по рабочей надобности, было ясно по выражению его лица, а также по выражению лиц всех сотрудников. В компании, где работали всего восемнадцать человек, отдельный кабинет был только у директора, а остальные ютились на одном этаже за соседними столами. Коллеги, среди которых Фукасэ был самым младшим даже после трех лет работы в компании, ждали от него только одного.

Они хотели кофе.

Этот кофе готовился не на каком-то эксклюзивном оборудовании. В самом центре уголка для отдыха разместилась машина, купленная менее чем за 5 тысяч иен в тот год, когда Фукасэ устроился в компанию. Но сам кофе приносил с собой Фукасэ. Он покупал обжаренные кофейные зерна, а потом прямо перед приготовлением перемалывал их на собственной ручной кофемолке. Сначала делал это только для себя, но в машине, рассчитанной на десять чашек, кофе на несколько порций получался вкуснее, чем на одну, и тогда он стал подавать кофе всем желающим, после чего сотрудники стали с нетерпением ждать кофе от Фукасэ. Таким образом, по всеобщему негласному договору, он должен был раз в день готовить кофе для всех.

Чашка стоила 100 иен. На эти деньги Фукасэ покупал кофейные зерна. Поначалу он пытался предложить каждому использовать их на свое усмотрение, когда возникнет желание выпить чашечку кофе. Однако подавляющим большинством сотрудников было решено, что, поскольку в зависимости от вида кофе и степени обжарки требуется различная техника перемалывания, новичкам не следует трогать дорогой кофе и в отсутствие Фукасэ они будут варить себе абы какой, из супермаркета. Поэтому, когда он утром уезжал куда-то, как это случилось и сегодня, они радовались одному только факту его возвращения.

Не успев отдышаться, Фукасэ сел на свое место, достал из ящика упаковку с зернами и кофемолку и принялся за работу. Помещение моментально наполнилось ароматом кофе.

– Я на этой неделе в первый раз пью; откуда нынче кофе? – со своего места подал голос Кояма и обвел всех предупреждающим взглядом, как бы говоря: сегодня, чур, я первый получу напиток.

– Из Кении. Этот кофе отличается нотками апельсина и темного шоколада. Глубокая обжарка, поэтому будет довольно крепким.

– О, это я люблю!

– А мне нравился предыдущий вид; откуда он, я забыла? – присоединилась к разговору сотрудница, сидящая напротив Фукасэ. Не успел тот открыть рот, как за него ответил его сосед:

– Из Гватемалы. Персиковый аромат был восхитителен, не так ли, Фукасэ?

Так постепенно разворачивалась дискуссия с ним в центре внимания. Для него это было первым подобным опытом в жизни.

Каждый, кто наливал себе кофе, мог по желанию положить 100 иен в коробочку для денег около кофемашины, поэтому это не было похоже на торговлю, да и стоимость зерен Фукасэ не оглашал. С точки зрения бюджета, было бы более экономно брать кофейную смесь классом ниже, тем более что она все равно была бы лучше, чем кофе из супермаркета. Однако покупать каждую неделю новый элитный сорт кофе было его личным способом попадать в центр внимания.

Фукасэ был рад очереди, которая выстраивалась за ним, когда он наливал себе первую чашку из первой партии, даже если ему приходилось уступать старшему коллеге. Странное поведение, на первый взгляд, но таким образом он зарабатывал себе место под солнцем.

Ведь есть люди, которые радуются его, Фукасэ, действиям.

Может, их было не так много, но и до начала работы в компании люди были рады его кофе. И профессор, и все участники семинара хвалили его. Но только один человек по-настоящему восхищался его кофе, говоря, что такого никогда в жизни не пробовал…

Когда в памяти медленно всплывало, слегка пульсируя, то страшное событие, которое столько ночей разрывало его голову на части и которое он так был бы счастлив начисто стереть из памяти, то он пил кофе, и боль хоть немного, но

смягчалась…

Фукасэ переехал в жилой комплекс Пал Хайц одновременно с поступлением в компанию «Нисида». Одна комната в шесть татами[2 - Около 10 кв. м.] с ванной, квартплата 60 тысяч иен. В студенческие годы Фукасэ снимал примерно такую же квартиру за 40 тысяч; более того, оттуда он ездил бы сейчас на работу по прямой на метро. Но вот переехал, чтобы провести зримую грань между студенчеством и своей нынешней жизнью… Мебель и бытовую технику – например, холодильник – перевез из старой квартиры, поэтому по всему дому встречались вещи, напоминающие ему о студенческих временах. Но все же он может сказать себе, что к тому времени больше не вернется.

До работы можно доехать по прямой ветке частного метрополитена, однако до станции идти двадцать минут. Одно время Фукасэ проезжал часть пути на велосипеде, но в дождь ходил пешком.

И через три месяца после того, как он устроился в компанию, в его жизни появилось «Кловер кофе».

В тот день с утра лило. Передавали, что до вечера непогода прекратится, но Фукасэ, закончив работу, уже вышел на ближайшей к дому станции, а дождь продолжал отбивать прежний ритм. Он поужинал в забегаловке «Ёсиноя» около станции – и только тогда дождь наконец закончился. Фукасэ, не раскрывая зонт, прошел через торговую улочку и направился к домам в тупике жилого квартала. Но как только вошел в жилой квартал, снова почувствовал на щеке капли дождя.

Он остановился, думая, открывать зонтик или нет, – и тут в глубине переулка увидел маленькую деревянную вывеску. Под иностранным названием «Кловер кофе» в блеклом свете уличных фонарей Фукасэ смог разглядеть маленькую надпись: «Специализированный магазин кофе».

Оказывается, вот что здесь есть! Не колеблясь, Фукасэ направился туда. В своих способностях варить вкусный кофе он был уверен, но вот кофейные зерна, хотя и старался выбирать получше, посоветовавшись предварительно со своим кошельком, покупал в супермаркете. Хотя, вообще-то говоря, он нашел место, где продавали сорт «Блю маунтин», и гордился тем, что теперь его точно можно назвать экспертом. Однако настоящий специализированный магазин кофе Фукасэ видел в первый раз.

Магазин представлял собой частично остекленный первый этаж обычного дома и без вывески был бы похож на обыкновенное частное жилье не слишком ревностных любителей садоводства. Фукасэ даже осмотрелся по сторонам, дабы убедиться, нет ли здесь других зданий, похожих на магазин. В студенческие годы он замешкался бы в такой ситуации. Но теперь, когда начал привыкать к своей работе в отделе продаж, это было не так уж и страшно. Ведь легче зайти в такой магазин, чем, например, приставать к людям и предлагать товар.

Фукасэ открыл деревянную дверь, раздался звук «дзинь», и бодрый голос, словно это было в лапшичной, поприветствовал его: «Добро пожаловать!» За кассой рядом с дверью стояла женщина, по возрасту где-то между ним самим и его родителями.

Контрастируя с таким громким приветствием, интерьер магазина отличался скромностью и был выдержан в стиле кантри. На деревянных полках, сделанных как будто вручную, стояли стеклянные банки такого размера, что их трудно было бы обхватить одной рукой, по три банки на каждой полке, всего двенадцать. Каждая из них содержала обжаренные кофейные зерна. Места, свободные от банок, были украшены различными предметами, напоминающими о Латинской Америке; на них были изображены мужчины в ярком пончо, ослики и прочее. Это очень шло магазину кофе.

Сбоку от каждой банки стояли рукописные таблички с названиями: «Смесь Кловер», «Итальянская смесь», «Смесь для холодного кофе». До сих пор Фукасэ мог представить, какой бывает кофе. В супермаркете должны стоять «Килиманджаро», «Мокка», «Блю маунтин»… Но здесь не было ни одного из этих известных сортов. Были написаны лишь названия стран Латинской и Центральной Америки: Гватемала, Никарагуа, Коста-Рика, Сальвадор, Бразилия, Гондурас, Перу. Встречались и страны из других регионов: Кения, Индонезия… Таблички также содержали пояснения – например, «цветок южных стран, аромат персика», или «аромат дыни и манго», или «аромат темной вишни и малины» – но Фукасэ это было непонятно. Что означают фруктовые ароматы в кофе? Ему бы расспросить продавца, но не все было так просто. Спрашивать о том, что не понимаешь, признавать, что не можешь сделать то, что не можешь, – если б Фукасэ мог делать эти вещи, ему жилось бы легче. Это он осознавал.

И тогда Фукасэ подумал: «Куплю-ка я смесь, и всё». Но тут раздался голос женщины:

– Простите, вы, наверное, в первый раз у нас? Если хотите, можно продегустировать кофе вон там, в уголке.

Он посмотрел туда, куда указывала женщина, и увидел коридор. Что это – продолжение магазина или частная территория? Продавщица вышла из-за прилавка и проводила Фукасэ, стоявшего как столб, по коридору. В комнате в конце коридора он увидел ростер и большой джутовый мешок, а соседняя комната была отдана под кофейню. Это было маленькое пространство с деревянной стойкой с шестью приставленными к ней стульями. За стойкой сидел мужчина примерно того же возраста, что и хозяйка. Женщина объяснила, что мужчина – владелец магазина и ее муж. Оказалось, они оставили свою предыдущую работу и весной этого года вместе открыли кофейный магазин.

– Я тоже устроился на работу весной – и переехал сюда.

Смутно почувствовав, что он здесь свой, Фукасэ смог очень естественно произнести эту фразу.

– Вот как; значит, у нас с вами дебют… одновременно? Ой, что это я как о поп-звездах говорю…

– Какой кофе вам приглянулся?

Фукасэ почувствовал симпатию к хозяину, который говорил в два раза медленнее, чем его болтливая жена, и четко отделял одно слово от другого. Кофейные зерна, сказали они, тщательно отбирал хозяин, посетив все основные страны – производители кофе.

– Я совсем потерял голову с этим хобби и вот начал такие дурацкие вещи вытворять… – Хозяин почесывал голову с виноватым видом.

– Как здорово! – воскликнул Фукасэ.

– Правда? Тогда, если хотите, я устрою вам лекцию-дегустацию, – с гордостью сказал он, и глаза его загорелись. Фукасэ кивнул.

Хозяин решил начать с Гондураса, куда он поехал в первую очередь. Попросил жену принести кофе из торгового зала и подробнейшим образом показал Фукасэ, как варить эспрессо на машине немецкого производства.

– Вкусно! Боже, как вкусно!

Рот Фукасэ наполнился свежим с кислинкой вкусом, который перешел в ощущение нежной сладости.

– Это черника и шоколад, – объяснил ему хозяин.

Так вот оно что… Но мало сказать: черника и шоколад – это было почти вино, насыщенное, выдержанное вино из сочных ягод.

Не думая, Фукасэ спонтанно выдавал Мастеру какие-то отрывочные фразы, стремясь передать свои впечатления о кофе, и, осознав, что его словарный запас крайне ограничен, почувствовал раздражение. Чем больше слов он говорил, тем больше они были похожи на ложь. Но Мастер радостно кивал, поддакивал, говорил: «Да-да, так оно и есть, это именно такой вкус…»

В результате Фукасэ вышел из кофейни уже за полночь. Кофе со второй порции он начал пить из маленькой чашечки, но тем не менее выпил их всего двенадцать и попробовал все виды. На кассе Мастер сказал, что возьмет с него только за одну чашку, и некоторое время продолжалось неловкое препирательство, но в конце концов Фукасэ уступил. Мастер был спокоен, но тверд. Ко всему прочему, одна чашка стоила всего 300 иен. Кофейные зерна значительно разнились в цене, от 500 до 2000 иен за 100 грамм, но в кафе можно было попробовать любой вид по фиксированной цене.

– В своем сырье я уверен, а вот как бариста, еще только учусь.

Фукасэ со своим умением не стоил и мизинца Мастера. Однако он не почувствовал себя побежденным – напротив, ему стало приятно от того, что перед ним открылся новый мир. Заметив за прилавком уже убранную табличку: «Магазин закрывается в 9», он низко склонил голову перед хозяйкой, любезно вышедшей проводить его.

– Не беспокойтесь. Приходите к нам еще.

Как же хорошо! Выйдя из магазина, Фукасэ вдохнул ночной воздух полной грудью, поднял голову, и взгляд его утонул в небе, полном звезд.

Уже на следующий день он снова пришел в магазин под предлогом того, что забыл зонтик, и с тех пор, как по расписанию, каждый день посещал кофейню по пути домой.

Ему было бы стыдно сказать вслух, что он стал завсегдатаем этого места, но благодаря этой новой в его жизни кофейне собственные будни, подобно кофе, стали бодрящими, насыщенными и ароматными.

* * *

– Фукасэ, ты по утрам что ешь? Булочки?

Когда он потягивал кофе на своем постоянном месте в самом углу, с ним из-за барной стойки заговорила хозяйка.

– Если так ставить вопрос, то скорее булочки, но вообще я часто завтракаю только кофе.

– Так нельзя; ты же молодой, тебе нужно хорошо завтракать, получать углеводы…

– А я в утренний кофе кладу много сахара и молоко добавляю.

В кофейне Фукасэ пил только черный кофе, чтобы хорошенько прочувствовать его настоящий аромат.

– А, так, значит, сладкое ты ешь… Ну, тогда вот.

Хозяйка со стуком поставила на стойку маленькую баночку, которая легко могла уместиться в ладони; в ней была бледно-желтая липкая субстанция, похожая на засахаренные леденцы.

– Возьмешь мед? Это мои родители сами делают.

Оказалось, что отец хозяйки, выйдя на пенсию, вместе с соседями организовал местное пчеловодческое хозяйство. Под руководством фермеров из их компании они ставили ульи на своих участках, в полях и огородах, а когда приходил срок, все вместе собирали мед.

– В прошлом году собранного меда хватило только на блинчики намазать, но в этом году, похоже, был богатый урожай. Нам прислали пять банок. Можно и не печь блины, а есть тосты с медом, только прежде не забывай хорошенько намазать масла.

– Надо же…

Фукасэ поднял баночку, и мед в ней заколыхался. Неужели пчеловод-любитель может добиться такой прозрачности? Хоть наклеивай этикетки и продавай в магазине.

Когда хозяйка предложила ему попробовать мед, зазвонил колокольчик над дверью. Хозяйка поспешила в магазин. Мастер на прошлой неделе отправился в экспедицию за кофейными зернами. В этот раз он выбрал африканские страны – Кению и Танзанию. На днях хозяйка показала Фукасэ фотографию из Танзании, на которой Мастер, сморщив загорелое лицо в улыбке, стоит на фоне кофейной плантации.

Фукасэ вернул баночку с медом на стойку. Пчеловодство, видно, вошло в моду…

* * *

– Это мне из дома прислали; ты не знаешь, что с этим делать?

Хиросава заявился к нему домой с той банкой меда однажды вечером в начале июня; они были тогда на четвертом курсе. Когда Хиросава приходил в гости, он иногда приносил что-то к чаю или готовый рис с мясом, но в этот день ручка пакета из магазина так оттягивалась под тяжестью содержимого, что, казалось, вот-вот оторвется.

Хиросава с гулким стуком выгрузил содержимое пакета на котацу[3 - Традиционный низкий столик, под которым находится источник тепла.], который Фукасэ использовал просто как стол. Огромная банка, вместившая бы в себя запас маринованных слив на весь год, была почти до краев заполнена вязкой жидкостью янтарного цвета.

– У нас родственник занимается пчеловодством, и они присылают мне столько меда только потому, что я люблю сладкое! Что я буду с ним делать? Мама совсем об этом не подумала… Может, ты возьмешь?

– Я не знаю, что с ним делать, но надо сначала разложить его по контейнерам. Сходи в стоиеновый магазин за маленькими банками.

– Нет, прошу тебя, возьми эту целиком!

Он сказал, что у него в квартире еще две такие банки. Фукасэ впервые слышал, как Хиросава жаловался. Но если бы с ним самим произошло такое, он бы еще больше ругался.

– Ну ладно, давай потом подумаем, как с этим разбираться, а пока я налью тебе кофе.

Это было их обыкновенным ритуалом, когда Хиросава приходил в гости. За чашкой кофе они смотрели развлекательные передачи по телевизору или фильмы из проката. Иногда Хиросава приносил DVD-диски с комическим представлением ракуго.

Было ли это правильным времяпрепровождением с другом мужского пола, Фукасэ не знал. Он никогда не был совершенно одинок, разве что в средних классах его в течение месяца игнорировали одноклассники, но никакого другого выражения неприязни со стороны других он не испытывал. Однако еще с младших классов у него не было ни одного человека, которого он мог бы назвать лучшим другом. Если б его одноклассникам предложили назвать имена пяти друзей, то три человека, наверное, включили бы Фукасэ в этот список. Однако если б их попросили назвать только одно имя, то о Фукасэ не вспомнил бы никто. А тот, кого он мог бы назвать единственным другом, не включил бы его даже в список из пяти друзей.

Фукасэ считал, что именно этого стоит стыдиться больше всего на свете. Ему никто никогда не говорил, что достоинство человека определяется количеством друзей, но он так про себя решил. Скольким людям он нравится? Сколько людей ему доверяют? Чем больше таких людей, тем лучше? Нет, не так. Это должен быть не просто кто попало. Считались только достойные уважения друзья, на которых с завистью смотрели окружающие.

Однако в младших классах, когда Фукасэ стал смутно осознавать это, рядом с ним никого не было. Он сразу понял причину. Он был неспортивным. Он также не был ни остроумным, ни веселым, не мог вместо приветствия отпустить какую-нибудь шутку. На перемене никто не подходил к нему, потому что он читал книгу. Он же не будет жертвовать книгой, чтобы общаться с какими-то дураками. Так говорил себе Фукасэ, втихаря поглядывая на шумную компанию.

В средних классах он надеялся, что способных учеников наконец-то заметят и они станут первыми в коллективе. Однако по-прежнему отмачивали шутки и веселились в классе те же самые ребята, что и в младшей школе. С этим ничего не поделаешь. Они даже не пытаются понять, у кого здесь выдающиеся способности, и у них нет шансов это понять. В школе, в которую ходил Фукасэ, не вывешивали оценки за контрольные. Родители рассказывали, что в их времена вешали в коридоре список по успеваемости. Если б он родился тогда, то лучше понимал бы свое положение. Пряча лицо в книге, Фукасэ проклинал современное образование, в рамках которого упростили программу и понизили стандарты. Но даже тогда к нему порой подходили, спрашивая: «Интересная книга, да?» У него появились приятели, с которыми он обменивался книгами и ходил в книжный магазин, но ни разу не почувствовал, что с этими людьми в классе ему комфортно.

Фукасэ думал, что по-настоящему сможет проявить свои способности в старших классах. С его оценками он мог с легкостью рассчитывать на лучшую в районе частную школу с самыми высокими требованиями. Но когда Фукасэ был на втором году обучения в средних классах, у отца обнаружили рак, и жизнь всей семьи превратилась в постоянную борьбу с болезнью. Хотя отца и не уволили в связи с реструктуризацией его пищевой компании, платить зарплату до наступления середины срока его отпуска по болезни не собирались.

* * *

– Извини, что я все бегаю да бегаю, туда-сюда, шлеп-шлеп…

Хозяйка, действительно издавая шлепающий звук своими резиновыми сандалиями, мелкими шажками вернулась в кофейню. Она уже подала ему заказанный кофе, поэтому оставить его одного было бы совершенно нормально, но разве хозяйка могла так сделать? Не такова она была.

– Так, о чем это мы? Ах да, мед… – Хозяйка достала с полки другую баночку меда. – Положить в тарелку? Или так, ложкой попробуешь?

– Может быть, лучше положить в кофе?

– Как я сама не додумалась? Молодец, Фукасэ! – хозяйка захлопала в ладоши.

…Первым эту идею предложил Хиросава. Но Фукасэ, в отличие от хозяйки, не сразу согласился. Он опасался, что аромат меда заглушит аромат кофе и все пойдет насмарку. Может быть, Хиросава не так любит кофе, как говорит? Даже такое сомнение промелькнуло у Фукасэ на мгновение.

– Мама говорила, что так вкусно. Не знаю, можно ли доверять ей в этом…

Ну если так, попробуем чашечку, решил Фукасэ.

…Хозяйка вытянула шею и посмотрела в чашку Фукасэ. Та была пуста.

– Еще одну осилишь?

Если она о желудке, то он сможет выпить еще не одну чашку. Или она имеет в виду время? Фукасэ посмотрел на наручные часы. 18:40 вечера, до встречи еще двадцать минут.

Хозяйка забрала его пустую чашку.

– Наверное, для такого дела нам лучше использовать кофейную смесь?

– Согласен.

Хозяйка достала с полки банку со смесью «Кловер» и положила в электрическую кофемолку зерен на две чашки кофе. Получившуюся перемолотую смесь она поместила в эспрессо-машину. С низким глухим звуком крепкий кофейный напиток закапал в чашку. Осталось разбавить кипятком – и готово.

В нос ударил мягкий непривычный аромат. Может, так выпить, без меда? Фукасэ колебался.

«Дзинь!» – прозвенела машина, и вокруг распространился густой сладкий аромат.

– Пожалуйста, бери первый, – сказала хозяйка и протянула ему банку. Фукасэ зачерпнул одну чайную ложку и положил в кофе. Немного постукивая по дну чашки, перемешал.

– Одной ложки достаточно?

– Мне – да… Но если вы хотите, чтобы было так же сладко, как от одной ложки сахара, надо класть три ложки меда.

– Да я смотрю, ты эксперт по меду.

Так говорил Хиросава…

Хозяйка положила три полных ложки и деловито перемешивала. И Хиросава так делал, вспомнил Фукасэ большие руки своего друга.

Сегодня, видимо, день такой.

Глубоко вдохнув аромат, он отхлебнул кофе. Может быть, этому способствовал рассказ об улье в саду, но рот его словно наполнился ароматом полевых цветов. Можно было поверить, что изначально существовал такой кофе – настолько он был приятен, настолько кофе и мед органично слились воедино в этом вкусе.

– Ну как, вкусно?

В его памяти всплыло лицо довольно улыбающегося Хиросавы.

– Это очень хорошо. Не хуже того кофе, который взял первое место на конкурсе. Если сказать мужу, он скажет, что мы отходим от наших методов, и не разрешит. Но давай на этой неделе попробуем в качестве эксперимента предлагать гостям кофе с медом.

Похоже, что хозяйке очень понравилось – она враз осушила чашку с горячим кофе. Фукасэ до сих пор не замечал этого, но манера пить у Хиросавы и хозяйки была похожа. Это была очень приятная манера, которой он, легко обжигавший язык, не мог подражать.

– Вот это тоже возьмите. – Фукасэ протянул баночку, стоявшую перед его левым локтем, опущенным на стойку.

– Не беспокойся, это тебе в благодарность за отличную идею. Если не знаешь, как использовать, подари Михоко. У вас разве не на сегодня назначено?

– Да, в семь, она должна скоро прийти.

Он посмотрел на часы в телефоне. Ровно в семь должен зазвенеть колокольчик. Фукасэ взглянул в сторону магазина. Ни разу не было, чтобы Михоко опаздывала к назначенному времени. И не было сообщения о том, что она опоздает.

– Нужно было подождать Михоко, чтобы делать кофе с медом вместе, – заметила хозяйка.

Зазвенел колокольчик, как будто смешиваясь с его невнятным ответом.

Хозяйка, подмигнув ему, отправилась в торговый зал и оттуда громко воскликнула: «Ах, это вы, госпожа ХХ», при этом называя фамилию вовсе не Михоко. «Видимо, хочет сказать мне, что это не она», – думал Фукасэ, прислушиваясь к звукам из торгового зала. Он улавливал, что они разговаривают о том, о сем, что хозяйка рассказывает что-то о кофе, но ничего конкретного не расслышал. Только их смех отчетливо разносился по помещению.

Как-то Фукасэ подслушал разговор хозяйки с гостьей и узнал, что Мастер до открытия магазина кофе работал в городском банке. Там, куда пытался

устроится Фукасэ. На слова гостьи «Ничего себе, вы разрешили ему уйти» хозяйка со смехом ответила: «Если начнешь ему что-то говорить, не будет ни за что делать, он такой».

Такой выбор был немыслим для Фукасэ. Он восхищался хозяйкой даже больше, чем Мастером. Разве мы не оставляем свои мечты, когда вступаем в брак? Но Мастер, наоборот, если б не был женат, не смог бы, наверное, осуществить мечту открыть магазин. У него был человек, который его поддерживал, и он смог сделать этот шаг. Он, наверное, и по странам мира путешествует в поисках вкусного кофе с мыслью о том, как хозяйка его попробует…

* * *

Михоко Оти он впервые увидел в «Кловер кофе» в конце марта. Зашел в кофейню после работы и увидел на своем постоянном месте в углу незнакомую девушку. Фукасэ редко встречал других посетителей в это время, семь вечера, когда сам обычно приходил сюда. В этой кофейне, расположенной посреди жилого квартала, наиболее популярным временем было с часу до пяти. Вечером никто не пойдет ужинать в заведение, где дают только кофе. После восьми часов приходили лишь постоянные клиенты, которых можно было пересчитать по пальцам. Они хотели протрезветь после вечеринки или выпить чашечку кофе после ужина – цели у всех были разные. Фукасэ часто приходилось попадать в компанию таких посетителей.

Однако эта девушка не входила в число постоянных клиентов, приходивших после восьми вечера. С тех пор как кофейню разрекламировали в городской газете, посетители стали приезжать и издалека, но женщина, одетая в самую обычную одежду, не была похожа на приезжую. Тем не менее и поблизости Фукасэ ее тоже никогда не замечал.

Вместо того чтобы сесть на любое другое место, он, продолжая стоять с растерянным видом, посмотрел в сторону Мастера, который готовил за стойкой кофе. Лицо у того, исказившись в виноватом выражении, как будто говорило: «Извините, ради бога». Фукасэ бросился садиться за ближайший к выходу столик.

– Вы, наверное, бронировали этот столик? – спросила Михоко, робко поднимаясь со своего места.

– Нет-нет, оставайтесь. Мастер, мне как обычно, – сказал Фукасэ и тут же забеспокоился, не посчитала ли она, что этими словами он хвастается своим положением завсегдатая. Но взгляд Михоко был направлен прямо на стоящий перед ней кофе. Она подняла чашку, вдохнула аромат и немного отпила. В тот же момент широко открыла глаза. Наверное, кофе превзошел ее ожидания. Когда он впервые пришел сюда, наверное, у него было такое же выражение лица, думал Фукасэ, глядя на профиль Михоко.

– Я ведь могу купить у вас кофе в зернах? – Михоко сказала это застенчиво – наверное, не хотела мешать Мастеру, который готовил кофе для Фукасэ. Прежде чем тот успел ответить, она продолжила: – Но… ведь тот же самый кофе гораздо вкуснее будет пить здесь…

«Точно! Ты права!» Фукасэ кивнул про себя изо всех сил.

Он начал пить кофе в выпускном классе школы, когда на подготовительных занятиях нужно было поднажать. Сначала пил растворимый, который был дома, но, выпивая две-три чашки за вечер, на следующее утро замечал, что стало схватывать живот. Тогда Фукасэ попросил маму купить ему кофеварку и подходящий для нее кофе. В университете он читал специализированную литературу о кофе и глубоко исследовал вопрос его приготовления: экспериментировал с заменой бумажных фильтров на тканевые, пробовал использовать кофе-пресс… А устроившись на работу, узнал этот магазин кофе – и, выложив всю свою первую премию, купил эспрессо-машину немецкого производства, точно такую же, как там.

Потратив много времени и денег, теперь Фукасэ мог бы с гордостью говорить, что приготовленный им кофе вкуснее, чем в большинстве кафе в окру?ге (хотя он никогда так не говорил), но никто и ни при каких обстоятельствах не мог бы соревноваться в искусстве приготовления кофе с Мастером. Более того, тот регулярно ходил на обучающие мероприятия для профессионалов и все больше совершенствовался в своем искусстве.

Поэтому Фукасэ каждый день и ходит сюда. Наверное, если б он попытался объяснить это словами, то сказал бы, что здесь более мягкий воздух. Так он думал, но ничего не говорил и только попивал понемногу кофе, приготовленный Мастером. Однако был еще один повод для разговора. «Мне как всегда» означало «на ваше усмотрение, Мастер». Сейчас тот предложил ему сладкий

ягодный аромат.

– Коста-Рика?

– Угадал.

Если б он промахнулся или если б это был новоприобретенный кофе, Мастер прочитал бы ему целую лекцию, но, поскольку Фукасэ угадал, на этом разговор и закончился. Он здесь уже два года как постоянный посетитель, но почти не разговаривал с Мастером ни о чем, кроме кофе.

Когда Фукасэ спросил о сорте, то обратил внимание, что Михоко мельком взглянула в его сторону, но никаких комментариев вроде «ой, как здорово» или «а что это за вкус?» от нее не последовало. Фукасэ разглядывал ее профиль, любуясь тем, как она выпивала глоток и смотрела в пустоту, словно уносясь мыслями куда-то очень далеко.

После этого эпизода он в лучшем случае три раза, а в худшем – один раз в неделю встречал Михоко в кофейне. Обычно она приходила раньше, тихонько садилась за второй столик от входа, словно специально освобождая постоянное место Фукасэ, и, когда он приходил, слегка кивала ему. Иногда Мастер рассказывал Михоко что-то о кофе, но в основном они втроем тихо слушали латиноамериканскую музыку по радио.

Однако в этом магазине был еще один очень важный человек.

– Михоко работает в пекарне «Гримпан» по другую сторону от станции.

Этот факт внезапно сообщила ему хозяйка, но Фукасэ даже не понял, кто такая Михоко. Хозяйка объяснила, что это их новая постоянная семичасовая посетительница, и так он узнал, как ее зовут.

– Там у них отменные булочки с карри, а также сэндвичи и булки с начинкой; ты бы зашел перед работой, купил себе что-нибудь на обед…

У них в фирме не было столовой, зато поблизости располагались удобные магазины. В утренней спешке ему было неохота идти длинной дорогой. Все же

через неделю после этого, в выходной, Фукасэ попробовал днем сходить туда. Однако Михоко за кассой не было.

«Ну и зачем я пошел? – Переходя пешеходный мост, Фукасэ был готов пинать ногами мелкие камешки. – На что надеялся? – Он остановился. – Разве я не за булками пришел?» И попытался заставить себя думать о том, какой кофе подойдет к булочке с карри.

На следующий день, когда Фукасэ пошел в «Кловер кофе», там сидела Михоко и хозяйка была за стойкой. Он не сказал о том, что ходил в пекарню.

Это случилось три дня спустя. Хозяйка протянула ему конверт с билетами в кино.

– Мы получили эти билеты от нашей торговой ассоциации, но ни я, ни муж не любим фильмы ужасов. Фукасэ, тебе не нужны?

Не то чтобы он интересовался фильмами ужасов, но этот фильм хотел посмотреть. Это было кино режиссера, которого Фукасэ любил со студенческих лет. Какой, интересно, ужастик получился у режиссера, конек которого – психологический триллер? Он как раз сам подумывал впервые за долгое время пойти в кинотеатр. Поблагодарив хозяйку, проверил конверт: там было два билета.

– Сходи с девушкой.

– Мне не с кем.

Перед хозяйкой Фукасэ мог естественным образом показывать свое стеснение и недовольство в ситуациях, в которых, будь на ее месте другой человек, он прикусил бы язык.

– Ну так пригласи Михоко. Знаешь, я с ней как-то беседовала о кино, и мне кажется, она говорила, что ей нравится этот режиссер.

Мастер тихо предостерег ее: «Мать…»

– Ну тогда эти билеты… – начал Фукасэ.

«… может быть, лучше отдать Михоко?» Хозяйка словно чувствовала, что он вот-вот скажет что-то не то, и всегда останавливала его. «Если договорить фразу до конца, твои стеснения и страхи станут реальностью», – как будто говоря ему это глазами, она в запрещающем жесте замахала руками.

– Ты в приоритете; ты же наш клиент номер один.

Он был тронут до слез этими невероятными словами. Значит, есть люди, которые, когда им предложат выбрать только одного человека, напишут его, Фукасэ, имя?!

В этот момент пришла Михоко. Может быть, заметив, что все как-то странно на нее смотрят, она удивленно и немного в замешательстве то касалась лица, то теребила одежду. Как потом узнал Фукасэ, она беспокоилась, не испачкалась ли мукой.

Когда Михоко села на свое место, хозяйка послала ему пронзительный взгляд. Мол, давай быстрее, будь смелым. Ты же о ней все это время думал, разве не так? Он резко повернул голову в ее сторону. Мол, учтите, если мне сейчас откажут, я, невзирая на свои еще несовершенные познания в искусстве приготовления кофе, сюда больше ни ногой.

Похоже, решительный настрой в отношении кого-либо имеет тот же эффект, что и крепкое сжатие кулаков обеих рук. Фукасэ встал около Михоко и откуда-то из глубины нутра проговорил: «Извините…»

Начиная со следующего вечера они ходили в кофейню ежедневно, за исключением дней, когда та была закрыта.

* * *

Может быть, Михоко взяла дополнительную работу в пекарне и задерживается?

– Она же говорила, что в последнее время ее часто просят помогать с выпечкой, – проявляя внимание к Фукасэ, сказала хозяйка, вернувшись из

торгового зала.

После того как они благодаря походу в кино стали встречаться, хозяйка подкидывала им идеи свиданий: то сообщит, что открылся хороший французский ресторан, то намекнет, что Фукасэ нравится комический спектакль ракуго. А однажды спросила Михоко, таким ли был ее бывший, и, опомнившись, смущенно прикрыла рот.

Они встречаются еще только три месяца…

– Извините. – Фукасэ взял в руки мобильный телефон. Или лучше написать сообщение? Да нет, она опаздывает уже на двадцать минут, и даже если и работает, вряд ли ее будут ругать, если он позвонит. Правда, он еще ни разу ей не звонил…

Фукасэ набрал ее номер. Прозвучали десять гудков, сменившиеся автоматическим сообщением о том, что абонент не отвечает. Решив сказать ей, что он еще в «Кловер кофе», Фукасэ ожидал сигнала начала записи сообщения, как вдруг услышал тихое «алло». И понял по шуму дождя, что она на улице.

– Ты идешь в «Кловер кофе»?

Он говорил громко, чтобы звук дождя не заглушал его голос. Вдруг ему стало стыдно: она может подумать, будто он хвастается перед хозяйкой тем, что дозвонился… Тогда Фукасэ пересел лицом к стене и плотно прижал телефон к щеке. Нахмурил брови: неужели у этого оператора связи такой тихий максимальный звук? Настолько голос Михоко был слаб и плохо слышен. Однако кое-как ему удалось установить, где сейчас она находится.

– Извините, рассчитайте меня, пожалуйста; она, похоже, пошла ко мне домой.

– Ой, надо поторопиться…

Фукасэ поспешно встал, доставая кошелек, и быстро осушил чашку с совершенно остывшим кофе. Аромат и вкус меда, сливавшиеся до этого с кофе, в холодном напитке создавали четкое ощущение двух компонентов, которые, проливаясь по горлу, подчеркивали особенности друг друга.

– Мед не забывай. – Сказав лишь это, хозяйка направилась в торговый зал, где находилась касса.

Они не всегда виделись в «Кловер кофе». Напротив, чаще встречались на станции и ходили куда-то поужинать, а в день перед выходным в пекарне договаривались о встрече в кофейне. Тогда Михоко приносила нераспроданные булочки в большом количестве. Они съедали их в его квартире. Фукасэ не был против булочек на ужин: раз в неделю можно устроить себе и такой день.

«Извини, я не приду; я у твоего дома» – так сказала она по телефону. Что же случилось? Выйдя из кафе, он быстрым шагом пошел к дому. Зонтик не спасал – уже через сто метров его ботинки начали хлюпать; брюки тоже потемнели от колен книзу и прилипли к ногам.

Наверное, Михоко промокла с головы до ног и не могла идти в таком виде в кафе. Тревога о том, что могло произойти что-то серьезное, сменилась легким беспокойством. Также можно было предположить, что она получила эсэмэску с предупреждением о погоде и решила, что кафе закрыто. Хорошо, что он вчера постирал белье и сложил полотенца…

Она, наверное, под крышей, но точно замерзла. «Первым делом сварю ей горячий кофе. Михоко и в кофейне тоже добавляла в кофе сливки и сахар. Нужно показать ей мед от хозяйки, это должно ее обрадовать. И еще…»

Может, попробовать, раз такое дело, предложить ей вторые ключи? Фукасэ никогда не бывал в квартире Михоко, но слышал, что от пекарни ей ехать на велосипеде десять минут. Они жили в пешей доступности друг от друга по разные стороны от железной дороги, так что он сделает ей вторые ключи, и не надо будет ждать хозяина перед дверью в его отсутствие. Так говорил себе Фукасэ – но, если честно, боялся, что Михоко откажется. Лучше распахивать свои двери лишь до той степени, до какой партнер позволяет распахнуть свои. Но если Михоко думает так же, расстояние между ними никогда не сократится. Они не могут вечно полагаться на хозяйку в кофейне. Та же не скажет, что, мол, пора вам, ребята, пожить вместе…

Показался его дом, двухэтажное деревянное здание. Его квартира на первом этаже. Когда Фукасэ искал квартиру, в агентстве сказали, что ему повезло, поскольку в этом доме как раз была свободна одна на втором этаже, на

солнечной стороне. Но когда он пошел смотреть квартиру, то остановился в итоге еще на одном варианте в этом же доме – тоже свободная, но на первом этаже. Угловая комната на втором находилась сразу около ведущей туда железной лестницы. Когда Фукасэ осматривал комнату, кто-то из жильцов стал подниматься по лестнице, издавая каблуками цокающий звук…

На мгновение у него что-то поднялось внутри, а в следующую секунду Фукасэ почувствовал, что его голову сдавило – так сильно, что он даже пошатнулся.

Того, кто поднимался к нему с этим цокающим звуком, больше нет. Но каждый раз этот звук будет напоминать ему о том человеке…

Михоко стояла, спрятавшись под лестницей, крепко прижимая к себе полиэтиленовый пакет с булочками из «Гримпан». Извинившись, Фукасэ подбежал к ней, но оказалось, что она была не такой уж и мокрой. Сандалии на босых ногах промокли, но не настолько, чтобы было неудобно заходить в кафе. Если кто и промок, так это Фукасэ.

Его голову затуманили разные мысли. Например, что она пришла сюда еще раньше, до того, как начался сильный дождь. Когда хозяйка начала ходить из торгового зала в кофейню и обратно, глядя на улицу и поговаривая: «Ой, что там творится», Фукасэ еще расплачивался на кассе.

– Почему ты извиняешься? Это я виновата, что не пришла в кафе.

Голос Михоко был не особенно радостным, хотя уже и не тем слабеньким голоском по телефону. Может, она просто не в настроении пить кофе? Как бы то ни было, Фукасэ открыл дверь и, сделав приглашающий жест, вошел. Из ванной комнаты, выходившей к прихожей, взял полотенце и протянул ей, потом попросил подождать в комнате и, закрывшись в ванной, переоделся. Он и душ принял бы, да не та обстановка… Выйдя из ванной, Фукасэ увидел, что Михоко, даже не включив телевизор, сидит посреди комнаты перед котацу спиной к прихожей, скрестив ноги. Она оглядывала комнату, крутя головой, так же как в первый день, когда пришла к нему. Он полагал, что для мужчины комната достаточно убрана. С тех пор как Михоко приходила сюда в последний раз, ничего особенно в квартире не поменялось, если не сказать совсем ничего. Что же ее беспокоит?

Одной рукой Фукасэ закрыл за собой дверь ванной, практически бесшумно – но Михоко вздрогнула всем телом и обернулась.

– Я все. Сейчас сделаю кофе. Ты знаешь, хозяйка из «Кловер кофе»…

– Не надо.

Впервые Михоко прервала его. У Фукасэ невольно перехватило дыхание от ее резкого, грубого тона. Он думал, с ней случилось что-то, никак не связанное с ним, – однако, глядя на ее лицо, словно окаменевшее, но готовое от любого малейшего дуновения ветерка сморщиться в плаче, начал подозревать, что в роли обвиняемого находится не кто иной, как он сам. Правда, причины этого Фукасэ не понимал.

– Что случилось? – спросил он, садясь по-турецки за столик напротив Михоко.

Та, напряженная, будто выдавливая из себя слова, произнесла:

– Кадзу, ты говорил, что твоя жизнь до сих пор была до скучного обычной. Это правда?

Когда они только начали встречаться, Фукасэ в точности так и сказал ей. Дело в том, что он не мог как следует сделать даже такую простую вещь, как поужинать с ней в более ли менее хорошем ресторане. У него не получалось все ловко организовать: то на столе оказывались только суп и овощные блюда, то он рассыпал перед Михоко всю мелочь из кошелька… Чтобы скрыть свое замешательство, Фукасэ честно хотел признаться ей, что она – первая девушка в его жизни. Но если сказать только это, Михоко ошибочно поймет его и подумает, что он какой-то недоделанный, а это ему совсем не нужно. Поэтому Фукасэ намекнул ей, что это не он такой непривлекательный, а окружающая его обстановка крайне скучна, вот в чем все дело.

– Да, правда. Все это печально, конечно…

Можно попросить прислать из дома его альбомы из средней и старшей школы и показать Михоко. На страницах, которые каждый класс заполнял как хотел, Фукасэ есть только на общей фотографии, и то с краю. На фото класса старшей

школы его закрыла голова впереди стоящего, и виден только его широкий лоб. Даже тот факт, что у него в квартире нет ни одного предмета, напоминающего о прошлом, говорит о том, насколько скучной была его жизнь.

– На тебе есть… какая-то вина?

Этот вопрос, видимо, возник не между ними, а где-то на стороне. Такая мысль вдруг поднялась в нем. Ее ростки, поливаемые дождем за окном, выросли и опутали все его тело, словно плющом, – и породили иллюзию, связавшую Фукасэ с головы до ног.

– Может, тебе дать посмотреть резюме? В моей жизни нет ничего интересного, но и пробелов нет…

– Тогда ты можешь рассказать мне всю свою жизнь?

– С какой стати?

Толстую лозу вдруг словно обрубили на корню. Он освободился от давящего чувства. Его беспокойство было уничтожено чувством неприязни. Такой же неприязни, которая возникает, когда в комнату входят с дождя, не разуваясь.

Фукасэ встал и пошел на кухню. Если он останется сидеть напротив Михоко, то может сказать ей что-то ужасное. Однако он не знал, хочет ли избежать того, чтобы обидеть Михоко, или того, чтобы при нем затрагивали темы, обсуждения которых он не желал.

– Я все-таки сделаю кофе и сам выпью. Да, и у меня в сумке лежит банка меда; достань, пожалуйста. Это мне подарила хозяйка из «Кловер кофе». – Фукасэ сказал это, стоя спиной к Михоко. Достал из ящика пакет со смесью «Кловер» и положил зерна в ручную кофемолку. Спокойно, только спокойно. Вращая тугую ручку кофемолки, он обдумывал сложившуюся ситуацию.

Михоко его допрашивает.

В его жизни действительно есть одно, только одно происшествие, которое навсегда оставило глубокую печать на его сердце. Михоко хочет, чтобы он

открыл ей правду… или нет? В его практически бесцветной жизни было лишь это яркое, хотя и окрашенное черным, событие, поэтому если она устроила ему допрос, то, наверное, именно по этому поводу? Так думал он, колеблясь. Но если рассуждать хладнокровно, то Михоко неоткуда было узнать об этом. Это он себя накрутил. Чуть не выкопал себе могилу…

Фукасэ почувствовал спиной взгляд и, стараясь придать лицу как можно более мягкое выражение, оглянулся.

– Ну как, нашла? Она сказал, это свой мед…

Но ему протягивали не мед. Это было письмо. Обычный конверт, адрес напечатан. Получатель – Михоко, причем указан адрес ее пекарни. Фукасэ взял конверт и перевернул. На обратной стороне не было адреса или имени отправителя. Стандартная марка за 80 иен, печать размыта дождем, и букв не видно. Конверт вскрыт чем-то острым.

– Можно прочитать?

Михоко молча кивнула. В этом не было особого смысла, но Фукасэ зажал письмо под мышкой, вытер руки полотенцем, висевшим над раковиной, и вытащил содержимое конверта. Письмо на одном листе А4, сложенном втрое. Сквозь бумагу видно, что шрифтом «Готик» по вертикали написана одна строчка. «Фука… Кадзу…» – это же его имя! У него екнуло сердце.

Перед тем как развернуть бумагу, он глянул на Михоко. Та, не моргая, смотрела на него. Сколько ни тяни, а надо открывать. Он развернул бумагу, потянув за нижний и верхний края.

«Кадзухиса Фукасэ – убийца».

У него забилось сердце, так быстро, что он не успевал дышать. Но на его побледневшее лицо, отступив на шаг, холодным взглядом смотрело его другое «я». «Эти слова не свалились на тебя как снег на голову. Они всегда жили здесь».

Однокурсники, встреча курса, западная музыка, кофе, мед…

Его хладнокровное «я» спрашивает дрожащее «я». «Неужели ты не допускал даже крохотной возможности, что когда-нибудь такой день настанет? Неужели ни разу не содрогался от страха, что этот день придет – и не в скучные будни, а в тот момент, когда тебя наконец посетило счастье?»

Ответ – НЕТ. Не надо давать затянуть себя в эту пропасть.

– Когда?

– Сегодня вечером. Письмо лежало в общем почтовом ящике пекарни. Как говорит директор, такое иногда бывает: на адрес магазина присылают письма или подарки сотрудницам. И предупредил, чтобы я сразу советовалась с ним, если там будет что-то странное, потому что могут писать какие-нибудь маньяки. Но это я не могу показать никому. Ни Мастеру, ни хозяйке… У меня все обычно на лице написано, поэтому, пойди я в кафе, они сразу поняли бы: что-то случилось. Я не смогла. Это, конечно, не значит, что я воспринимаю такое хулиганство всерьез…

«Да это просто какой-то извращенец, которому ты понравилась, решил нас разлучить и отправил тебе письмо». Еще не поздно сказать это веселым тоном, разорвать бумагу и рассеять беспокойство Михоко. Но она не говорит, что не верит этому на сто процентов. У нее осталась какая-то доля сомнений… Да что там – если подумать, в каком состоянии она пришла, эти сомнения пересиливают в ней все остальное.

Его никогда раньше не называли убийцей. Но если он сейчас твердо заявит об этом, смогут ли они с Михоко общаться так, как прежде? Она, вероятно, будет искать, нет ли между его словами и поведением странных несоответствий, а он выберет такие слова и действия, чтобы его не подвергали допросам, и они отдалятся друг от друга еще на шаг…

«Если хочешь стать по-настоящему счастливым, открой ей все».

В его голове всплыла, как пузырь, и тут же лопнула глупая мысль: а что, если это он написал письмо? Нет… Он, конечно, появляется у его изголовья, вокруг происходят какие-то потусторонние вещи, все так… но письмо принадлежит этому миру. Мертвые не могут писать писем.

«Расскажи Михоко».

Даже решив так, Фукасэ почувствовал зарождающееся сомнение. Сможет ли он рассказать правду, не отступая от фактов? В конце концов, он просто повторит ей то, что говорил полиции. Чтобы защитить себя…

Может быть, более правильно будет сказать, что в свое время он обязательно все ей расскажет, отправить ее домой, а потом написать обо всем в письме? Так он сможет лучше пересмотреть свои чувства и события того дня, все упорядочить и разложить по полочкам, описав факты как можно точнее. А уж какое она вынесет суждение…сейчас не время думать об этом.

Да, он должен так сделать. Фукасэ легко мог представить себе, как будет меняться содержание его рассказа в зависимости от выражения ее лица, если он выложит все здесь и сейчас.

– Михо, сегодня вечером…

За окном загудел ветер, словно хотел заглушить его слова. Бам! Дверь затряслась от удара. Наверное, что-то принесло ветром и ударило о дверь – размером побольше, чем пустая бутылка… Может, велосипед? Дождь и не собирается ослабевать…

Нет, он не может выпустить туда Михоко. Наверное, сегодня такой день.

– У тебя как со временем? Мне нужно кое-что тебе рассказать. Но это надолго.

– У меня нормально.

Фукасэ вспомнил, что завтра четверг, «Гримпан не работает». Пакеты с булочками лежат под столом. Да и в «Кловер кофе» четверг – выходной. На работу нужно идти только ему. Он представил, как пойдет туда, подавляя зевоту… и невольно выдохнул. Но что же это? Он собрался признаваться ей в такой важной вещи – и при этом думает, что после будут продолжаться обычные будни?

– Что случилось? – Михоко уперла в него вопрошающий, хотя и несколько нерешительный взгляд.

– Нет, ничего. Извини, что я так веду себя, когда у нас впереди серьезный разговор… Мне хотелось бы спокойно рассказать тебе все. Можно я все-таки сделаю кофе?

Михоко, явно недовольная, молча кивнула и вернулась в комнату.

Фукасэ взялся за ручку кофемолки. Сколько раз прокрутил ее до этого, вспомнить он не смог и выбросил недомолотые зерна в треугольное ведро под раковиной. Ладно, сделаем кофе высшего класса…

Он убрал в контейнер смесь «Кловер» и достал бразильский. В Бразилии, стране кофе, это король королей. Занял первое место на национальном конкурсе, так хвастался Мастер. «Не знаю, когда мы сможем еще достать кофе такого уровня, поэтому используй его только в особых случаях». Так сказала ему хозяйка, которая редко сама говорила о кофе.

Варить кофе. Только в это занятие он может вложиться по полной. В кромешной тьме раскаяния это его единственный луч света…

Глава 2

Летом, три года назад

Поехать в Мадараока предложил Мураи. Сказал, что в этом известном своим лыжным курортом месте на границе префектур Нагано и Ниигата у его дяди есть загородный дом. Фукасэ тогда впервые услышал слова «загородный дом», произнесенные в обычном разговоре друзей. Однако Мураи, у которого отец был депутатом префектурального собрания, казалось, безо всякого бахвальства говорил об этом как о чем-то само собой разумеющемся, и у Фукасэ это не вызвало никакого отторжения.

В начале июля на кафедре впервые за долгое время собрались все участники семинара. «Интересное предложение», – сказал Ясуо Танихара и обратился за поддержкой к своему соседу Асами. Фукасэ навострил уши, но не отрывал взгляд от ноутбука. Он уже на горьком опыте знал: его присутствие вовсе не обязательно принимают во внимание, когда говорят о чем-то в радиусе трех метров от него. Когда он отзывался на звучавшие рядом предложения пойти в кино или попробовать лапшу в новом кафе, ему без стеснения говорили: «Что? Так ты тоже идешь?» И тогда Фукасэ притворялся, что вспомнил о каком-то важном деле.

Он – бесцветный человек из воздуха. Он не должен реагировать на интересные разговоры вокруг. «Тебя никто никуда не позовет». Бормоча про себя эти слова, Фукасэ, словно дедлайн уже на носу, изо всех сил печатал задание, которое надо было сдавать еще не скоро, вбивал пустые фразы, как вдруг…

– Фукасэ, а ты? – спросил Танихара, назвав его по имени. – Когда еще такое будет; поехали все вместе!

Тот на несколько секунд опешил, глядя в обращенное к нему радостное лицо. Если, к примеру, представить, что в комнате находятся тридцать или сорок человек и их нужно разделить на группы, он никогда не попал бы в одну группу с этим лидером из лидеров. Веселый, способный ко всем видам спорта, сообразительный, всеобщий любимчик… И вот этот самый Танихара приглашал его, Фукасэ, поехать «всем вместе». К тому времени позицию в какой-либо компании после выпуска уже обеспечили себе только Танихара и Мураи. Для Танихары, который устроился в крупную торговую компанию «Кудзё», наступило время наслаждаться жизнью. Мураи собирался поработать несколько лет в строительной конторе, управляемой его родственниками, а потом стать секретарем отца в префектуральном собрании и когда-нибудь войти в политические круги.

– Асами, а ты что скажешь? – спросил Танихара, не дождавшись ответа от Фукасэ и как бы оставляя его «на потом».

– После первого тура экзаменов могу, – ответил Асами, которому предстояло держать экзамен на учителя.

Первый тур проходил на четвертой неделе июля, потом, перед праздником О-бон, объявляли результат, и в случае успеха в районе 25 августа назначался второй тур. На вопрос Танихары, не надо ли ему будет готовиться к нему, Асами сказал, что тур состоит лишь из собеседования и эссе.

В результете решили, что лучше всего поехать где-нибудь в начале августа.

Если б Фукасэ, будучи в таком же неопределенном положении с работой, только собирался, как Асами, сдавать первый тур, то ни для спрашивающего, ни для отвечающего не было бы никаких трудностей. Но даже такой человек, как Танихара, не мог прямо задать вопрос на эту щекотливую тему Фукасэ, для которого экзамены при приеме в городской банк и другие крупные компании закончились катастрофой. В этом смысле они с Хиросавой были в одной лодке. Пока тот разбирался с родителями, возвращаться ему домой или нет, в вопросе трудоустройства он остался ни с чем. Так жаловался Хиросава, попивая кофе в квартире Фукасэ как раз в тот день, когда сам Фукасэ провалил второй тур экзаменов в городской банк. Но вдруг…

– Хиросава, а ты как?

– Звучит интересно, я с радостью, – ответил тот без всяких сомнений. Ну, раз Хиросава едет…

Фукасэ повернулся к Танихаре как раз в тот момент, когда его еще раз позвали.

– Фукасэ, поехали, повеселимся, ну?

– Что ж, тогда и я…

Он не успел договорить, как Танихара прокричал: «Ура!» Не откладывая, приятели открыли карту и ежедневники и во главе с Мураи и Танихарой начали составлять план. Решили ехать в первую неделю августа на три дня: вторник, среду и четверг, с двумя ночевками.

– Но что мы будем делать летом на лыжном курорте? – с серьезным лицом спросил у Мураи Танихара.

Тот ответил, что там поблизости есть площадка для гольфа, параглайдинг, катание на воздушном шаре и другие развлечения. Для начала они заделают барбекю и будут гудеть всю ночь, не боясь соседей, ведь это очень весело. Днем можно и просто спокойно почитать книжку, заметил Асами, и Фукасэ кивнул в знак согласия. Хиросава сказал, что нужно взять фрисби. Решили также, что каждый возьмет с собой с собой что-то интересное: карты, игру Уно и прочее.

«Вот если б эти же самые ребята учились со мной в младшей, средней, старшей школе…» – думал Фукасэ. В особенности такой лидер, который говорил бы: «Давайте все вместе», как Танихара. Такой человек, который заботился бы о том, чтобы не только несколько человек в его группе, но и вообще все весело проводили время… Может быть, иногда Фукасэ и чувствовал бы себя неуютно, но, во всяком случае, хоть в какой-то мере он освободился бы от чувства неполноценности, от этого ужасного осознания своей вторичной или даже фоновой роли…

Мураи во многом руководствуется повелениями своего сильного эго, но на его лице никогда не увидишь презрительное выражение вроде «а что, этого мы тоже берем с собой?». Он вообще не был человеком, которому свойственно глубоко о чем-либо задумываться. Мураи в первую очередь заботился о том, чтобы ему было весело, – как и всякий человек, любящий командовать другими. При этом он никогда не унижал окружающих ради того, чтобы доказать свою правоту. Не выделялся какой-то особой статью, красотой лица, выдающимися оценками или спортивными достижениями, но уверенность, переполнявшую его изнутри, проявлял на один оборот больше, чем имел на самом деле. Такое впечатление сложилось о нем у Фукасэ.

Они собирались вместе разработать план, но, как только определились даты поездки, управляться со всеми остальными вопросами оставили Мураи. Последний, как единственный среди них владелец собственной машины, предложил свою любимую «Тойоту Рав-4», и было решено, что трое из них (кроме Фукасэ и Танихары, у которых не было прав) будут сменять друг друга за рулем. Приспособления для барбекю в доме были, а уголь и решетку, а также одноразовые приборы обещал взять Мураи, который единственный из них жил дома с родителями.

– Извини, что всё сваливаем на тебя… – Фукасэ собирался всю дорогу молча соглашаться со всеми, но почему-то не мог удержаться от этих слов.

Мураи, немного подумав, произнес:

– Ну что ж, тогда кофе поручаю тебе.

С этого момента и Фукасэ стал от всего сердца с нетерпением ждать поездки в Мадараока.

И вот настал долгожданный день.

Когда Фукасэ ровно в девять утра пришел к месту встречи – магазину около квартиры Танихары, – там уже стояли все, кроме Мураи. Лишь только Фукасэ выдохнул с облегчением, радуясь, что он не последний, как Танихара сообщил ему, что вчера Мураи попал в аварию.

– Он был на свидании, подвозил девушку, и на светофоре в них въехали сзади. К счастью, Мураи не пострадал, но машина получила повреждения, а девушка была не пристегнута и сильно ударилась головой.

– Так, значит, все отменяется? – спросил Фукасэ у Танихары, поглядывая на свою сумку с кофейным набором – кофеваркой, фильтрами и прочим.

– Да нет; он сказал, чтобы мы поехали вчетвером и повеселились… – Танихара указал на припаркованный рядом серебряный «Витц». Это была машина матери Мураи. Когда они открыли багажник, чтобы положить вещи, увидели большой кулер. Мураи даже подготовил мясо для барбекю!

– Мураи, к счастью, не пострадал и сказал, что, как только все уладит, сможет присоединиться к нам, поэтому давайте начинать без него, – сказал Танихара, капитан бейсбольной команды, таким тоном, словно созывал своих игроков.

Все, покивав, залезли в машину. За руль сел Асами, сказав, что Хиросава только-только получил права и, пока они не выедут на автомагистраль и не станет поспокойнее, он поведет сам.

– Спасибо, – с искренней благодарностью подчинился Хиросава.

Рядом с водителем сел Танихара, сзади разместились Хиросава и Фукасэ.

– Ах да, – сказал последний и, открыв свою коробочку с продуктами, достал большую термокружку, закрытую крышкой. – Вот; я не вожу машину, но хоть сделал вам кофе.

– Ух ты, молодец! А сахар?

– Положил. И молоко.

Фукасэ приготовил кофе по вкусу Хиросавы.

Асами отпил глоток.

– Как вкусно! – сказал он.

– И мне тоже, и мне! – Танихара протянул свою кружку. – И правда, я моментально проснулся… Асами, ты что, все сам собираешься выпить?

– Конечно, никому не уступлю. Если я засну за рулем, вы вряд ли обрадуетесь, – Асами вернул себе термокружку.

– Меры против засыпания за рулем я тоже принял, – сказал Танихара и вставил в проигрыватель диск. Асами, в один глоток осушивший чашку с кофе, завел двигатель, вставив: «Так-так, у нас нынче мини-диск!» Заиграла веселая иностранная песня.

Прогноз погоды обещал облачность и дождь, но утром было ясно. За исключением того, что не было Мураи, старт вышел удачным.

В машине Танихара продолжал болтать о музыке в анимации, в основном о западных песнях семидесятых – восьмидесятых годов. Разговор о том, кто знает “Surfin’ USA”, а кто не знает, тоже произошел именно тогда. Некоторое время Танихара единолично вещал о своей любви к музыке, говоря то о лозунгах мира во всем мире, то о мощной энергии, наполняющей его сердце, после чего разговор перешел к бейсболу.

Танихара, который с младших классов играл питчером[4 - Подающий в бейсболе, ключевой игрок команды обороны.], из-за травмы плеча не смог попасть в университетский клуб и Ассоциацию любителей. Тогда он вступил в молодежный любительский клуб бывших игроков в своих родных местах и два раза в месяц ездил в префектуру Сайтама к родителям и участвовал в тренировках. Танихара поведал, что за неделю до поездки в матче против их вечного соперника с ним случилось драматическое происшествие.

– В «доме» полный счет, уже два аута, две базы заняты. Дальше уже или пан, или пропал, и я, видимо, хоть это на меня не похоже, чуток перенервничал. В горле совсем пересохло. Спокойно, еще один мяч, говорю я себе, заношу руку… и вдруг у меня перед глазами все белеет, да еще и в голове пустота звенит. Открыл я глаза от голоса Икэтани уже на койке в медицинском кабинете – да как вскочил в ужасе, что не успел мяч подать!.. Так нет же – оказалось, мало того, что подал, еще и граунд-болл поднял и даже отправил его на базу! Я был в шоке…

Фукасэ не знал, кто такой Икэтани, равно как не знал и других членов команды Танихары, но, под впечатлением от увлеченного рассказа, все равно вставил: «Ого, ну ты даешь!» Хиросава слушал со спокойной улыбкой. Вот кто хладнокровно отреагировал, так это Асами.

– Ты вроде сейчас здоров и все, типа, обошлось; но что это было-то? Тепловой удар?.. Ты же не нервный. Если понимаешь, что в горле пересохло, – чем делать какие-то странные заключения, лучше пей воду.

Фукасэ подумал, что Асами довольно резок. Но Танихара вовсе не выглядел обиженным.

– Слушаюсь, Асами-сэнсэй! Учитель должен следить за здоровьем своих учеников! Но если я в такой момент возьму тайм-аут и пойду пить воду, как они на меня посмотрят? В жизни нужно больше острых ощущений, да, Хиросава?

Танихара внезапно повернулся к Хиросаве, лицо которого на мгновение приняло потерянное выражение. Но потом он тихонько ответил:

– Я же говорил, лучше всего – когда все как обычно…

– Ну и зануда… – Танихара нарочито пожал плечами и, развернувшись вперед, начал весело подпевать под музыку, которая как раз достигла кульминационного момента. «Хорошо, что он отбрил не меня», – с облегчением выдохнув, подумал Фукасэ.

«Ну и зануда…» Понятно, что Танихара вовсе не сердится. Но все равно, путешествуя вместе, люди как-то стараются не говорить такие вещи, которые могут обидеть собеседника. В такой ситуации слова могут обидеть больше, чем они себе представляют.

Хиросава смотрел в окно; полуулыбка на его лице изображала облегчение, но в глубине души он, наверное, переживал. Фукасэ подумал, что надо как-то разрядить обстановку и развеселить всех.

– Я слышал, на следующей площадке для отдыха продают местную жареную птицу в кляре, это даже по телевизору показывали. Едят с соусом мисо.

Как он и ожидал, первым отреагировал Танихара. В итоге решили заехать и туда. Ели, макая в острую пасту мисо, жареные кусочки из бедер местных кур, вымоченные в течение ночи в специальном соусе, снаружи покрытые хрустящей корочкой, а внутри такие сочные, что, кажется, сок вот-вот брызнет наружу. Они взяли на четверых две упаковки и только повторяли: «Как вкусно…» Вот и фраза «ну и зануда» улетела куда-то далеко.

Кусок, который Фукасэ, боясь обжечься, делил на три части, Хиросава заглатывал целиком.

– Хиросава, ты хоть жуешь? – спросил Асами.

– Правда, на него приятно смотреть, когда он ест, – заметил Танихара, косясь на Хиросаву.

Глядя на 185-сантиметрового Хиросаву, Фукасэ вспоминал великана из японских сказочных книжек с картинками, которые он читал в младших классах. Глаза, нарисованные одним штрихом, то ли смеются, то ли просто сонные, не поймешь. Деревенские дети дразнят его идиотом, но этот великан – добрый юноша, всегда окруженный животными и птичками. Сейчас сам Фукасэ как белка или хомячок, но быть вместе с великаном приятно.

Когда они вернулись в машину, Танихара повернулся на этот раз к Фукасэ.

– Жареная курица – это просто стопроцентное попадание! – сказал он, расплывшись в широкой улыбке.

Конечно, Фукасэ было приятно. Но вообще-то он не видел здесь ничего особенного. Разве это не естественно, когда собираешься в путешествие, заранее разузнать о месте назначения, о туристических достопримечательностях, местных блюдах, нашумевших ресторанах? Эту информацию можно легко получить с помощью Интернета и мобильного телефона – инструментов, которые есть у каждого. Но, поедая жареную курицу, Фукасэ заметил, что остальные трое не провели никакой подготовительной работы по поводу предстоящей поездки.

– А что-нибудь сладкое у них тут есть? – спросил его Танихара и получил ответ, что через две зоны для отдыха будет место, где продается пудинг из молока от местных коров.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фестиваль поминовения усопших в Японии, проходящий в августе.

2

Около 10 кв. м.

3

Традиционный низкий столик, под которым находится источник тепла.

4

Подающий в бейсболе, ключевой игрок команды обороны.

Купить: https://tellnovel.com/minato_kanae/vinoven

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити